

Сравнительно-исторический метод в историческом познании

1. Умозаключение по нестрогой аналогии.

Признаки, критерии сравнения	Нацистский режим в Германии (30-е гг.)	СССР времен Сталина (30-е гг.)
Политический режим	По многим признакам, - наличие одной идеологии, однопартийной системы, доле государства во всех сферах жизни общества, - можно причислить к тоталитарным.	Плановая экономика, репрессии, массовая пропаганда и мн. др. также позволяют характеризовать сталинский режим как тоталитарный.
Наличие культа личности вождей мыслителей, полководцев и т.д.	Гитлер, носящий титул фюрера, - фигура, чей образ в глазах массовой общественности приобрел ореол всемогущества и непрекаемого величия. Важную роль в формировании данного архетипа сыграли СМИ и органы пропаганды.	Сталина принято относить к традиционному типу диктатора, мудрость и непогрешимость которого надолго отсканировалось в массовом восприятии. Характерной иллюстрацией этой всепоглощающей любви являются похороны вождя с давками и массовой истерией. М. Шолохов выразил настроения миллионов, озаглавив свой некролог, опубликованный в «Правде», одной простой фразой: «Прощай, отец!».
Доля милитаризма в сознании и экономике общества	Нарушив условия Версальского договора руководство нацисткой Германии уже в 30-е гг. начало наращивать свой военный потенциал, виртуозно играя на реваншистских настроениях общества. Данные инициативы встречали лишь возгласы одобрения в обществе.	30-ми гг. датируется переход к форсированной индустриализации. Враждебным окружением советская власть всегда могла оправдать развитие военной машины за счет повсеместных материальных лишений среди народа.
Отношению к предшествующим полит. системам и режимам	Придя к власти, нацистская идеология сделала всю предшествующую историю Германии лишь прелюдией к эпохе Третьего рейха. Веймарская республика стала символом унижения немецкого народа.	Октябрьский переворот 1917 г. дал толчок к революции во всех сферах жизни государства и общества. Данные изменения коснулись и исторической науки. Историк-марксист М.Н. Покровский писал: «История – это политика, опрокинутая в прошлое». Именно в угоду текущим политическим интересам вся тысячелетняя история России и царский режим были беспощадно дискредитированы и очернены.

Нестрогость аналогий определяется тем, что:

- Коммунизм и нацизм являются антагонистическими идеологиями;
- Названные признаки недостаточно разнородны, так как сильная власть оказывает воздействие на все или почти все сферы жизни и деятельности общества: политическую, экономическую, социальную, культурную (именно поэтому взаимосвязаны, например, культ личности и репрессии по отношению к какой-либо группе людей);
- Количество критериев сопоставления недостаточное;

Все вышеперечисленные признаки являются существенными для данных сопоставляемых объектов, они отличительны для всех тоталитарных систем. На основании данного сравнения, можно сопоставить и другие явления общественной, политической и культурной жизни. Например, памятен эпизод «ритуального» сожжения книг во многих городах Германии в 1933 г., что характеризует политику

нацистов в области литературы и культуры вообще, этот инцидент ярко отражает истинное лицо нацизма. Но в СССР книги публично никогда не сжигали. Однако изнанка данного процесса имеет ту же окраску. Советские органы пропаганды и идеологии пристально следили за всяким, даже изящно завуалированным, подчас мнимым, инакомыслием, просто не допуская к печати всё «непохожее». Как для советских (Булгаков, Платонов, Пильняк и т.д.), так и для немецких (братья Манн, Дёблин, Цвейг) писателей данная порочная практика государства обернулась страшными, порой трагическими, последствиями. С другой стороны, сходство по предложенным критериям не позволяет сделать вывод о расовой и национальной дискриминации в СССР (что противоречило бы фактам). Это доказывает, что дискриминация по национальным и расовым признакам не может являться универсальным критерием тоталитарной системы (доказательная функция).

Данная аналогия несет доказательную (доказывает наличие элементов тоталитаризма в СССР) и объясняющую функции (позволяет яснее воспринимать советский режим, функции его отдельных институтов, соотнеся, но не отождествляя, их с нацистскими (Нацистская система наиболее близка к идеалу тоталитаризма)).

2.1. Индивидуализирующее сравнение.

Первым прецедентом в ряду себе подобных (Кубинская революция 1959 г., революция в Китае 1949 г.) является установление социалистического строя на территории бывшей Российской империи. Октябрьская революция и апробирование Диктатуры пролетариата является исключительным на 1917 г. явлением, она стала индикатором и катализатором революций, не всегда успешных, как в Европе, так и во всем мире.

2.2. Универсализирующее сравнение.

Первый, Второй, Третий Московские процессы (1936-1938) можно считать проявлением одного сущностного явления – подавления всякой оппозиции в высших эшелонах советской власти под видом борьбы с врагами, шпионами, диверсантами. В качестве признаков сравнения можно привести следующие: содержание обвинений (связь с Троцким, шпионская и диверсионная деятельность), наличие/отсутствие реабилитации осужденных в дальнейшем (почти все были реабилитированы во времена Оттепели и Перестройки), судьба участников процесса (к 1941 г. в живых уже никого из обвиненных процессов не было) и т.д.

2.3. Вариационное сравнение.

Обращаясь к теме репрессий в командном составе РККА в предвоенный период, нельзя ссылаться лишь только на слепо карающую инициативу государства. Безусловно наличие огромного количества безвинно наказанных жертв, вероятно, таких было подавляющее большинство. Но также не подлежит сомнению, что в условиях враждебного окружения, накаленной международной ситуации от органов внутренних дел требовалась особая бдительность и в первую очередь по отношению к командному составу. Отдельные дела позволяют судить о возможности действительной причастности некоторых офицеров РККА к шпионской и диверсионной деятельности. Несмотря на порой абсурдные обвинения, некоторые конкретные пункты политических дел указывает на неоднородность общей тенденции тех лет, а именно политики «Большого террора», позволяют прояснить логику советской судебной и карательной системы (наличие/отсутствие реального заговора в вооруженных силах сегодня остается спорным, в частности по «Делу Тухачевского»). На вариационность данной тенденции указывает как наличие справедливо осужденных, так и существование освобожденных после детального расследования.

2.4. Охватывающие сравнения.

Следует рассмотреть такую общественно-государственную систему, как Союз писателей СССР (ранее – Всероссийский союз писателей). Советский и российский писатель В.О. Богомолов определил его, как «террариум сподвижников». Характерно негативное отношение к данной структуре по причине его конъюнктурности. Однако

если рассмотреть его изнутри более подробно, то можно обнаружить, что многие писатели отзывались о нем очень положительно, указывая на достоинства этой организации (коммуникации между писателями, поддержка государства). Кроме того, даже в 20-30-е гг. далеко не все члены СП готовы были слепо подчиняться руководству партии, могли возражать и протестовать против тех или иных инициатив (н-р, Горький). Допускались и дискуссии. Конформизм, характерный для всей страны в целом в тот момент, так или иначе преломляется, когда речь заходит о СП. Сравнивая поведение разных членов СП, можно говорить о множественности форм коммуникаций и неоднородности внутреннего состояния этой системы.

3. Сферы исторической компаративистики.

3.1. Сравнения в рамках одной культурно-исторической общности.

Социалистические революции и установление советской власти в отдельных национальных окраинах и регионах бывшей Российской империи (Украина, страны Закавказья, страны Малой Азии). Все смены политических режимов были взаимосвязаны и не могли бы совершиться без деятельной поддержки Москвы и большевиков. На протяжении столетий и Украина, и Кавказ, и Белоруссия являются частями единой историко-культурной общности. В начале двадцатых гг. XX в. их объединение в СССР стало результатом сходных процессов в каждом отдельно взятом национально-географическом образовании.

3.2. Сравнение между разными культурно-историческими общностями.

В своей работе «Теория и практика большевизма» Б. Рассел сравнивает по некоторым, едва прослеживаемым, тенденциям Россию образца 1920 г. с традиционной азиатскими империями: «<...> возникла система, неприятно напоминающая прежнее царское правительство, — система, являющаяся *азиатской* по своей централизованной бюрократии, секретной службе, атмосфере правительственного таинства и покорности террору». Опираясь на некоторые цивилизационные признаки, это сравнение становится уместным: фанатическая убежденность большевиков в своей правоте достойная непреклонности «ранних последователей Магомета», стремление к расширению своих пространств под предлогом разжигания «мировой революции», непререкаемость, даже некая «сакральность» высшей власти, представленной либо партией, либо отдельной личностью и т.д. Исходя из данных соображений, Рассел прогнозирует дальнейший ход развития советской цивилизации: «<...> следующей ступенью развития станет азиатская империя со всей ее помпезностью и роскошью, а коммунизм в исторической ретроспективе останется столь же малой величиной в большевизме <...>».

Предыдущий пример отчасти содержит в себе элементы модернизации истории. Более корректно сравнение разных режимов по признакам тоталитарного общества: Советского, Фашистского, Нацистского, Франкистского, Маоистского и т.д.

3.3. Метафорическое сравнение.

Советская система, подобно любому живому существу, прошла сквозь несколько стадий жизни и развития: рождение, юность, взросление. В истории и публицистике часто встречаются тезис о том, что крах был неизбежен и предначертан самой судьбой и жизненным циклом цивилизации. Отсутствие необходимых предпосылок для перехода к социализму сделало из Советского государства некое подобие обреченного зверя: сколь бы сильна не была вера в жизнь, трагический финал становится неминуемым из-за наличия врожденных смертельных пороков. Все успехи СССР были связаны скорее с импульсом величия России самой по себе, доставшейся большевикам в наследство, чем с всепобеждающей силой марксистской идеи, а попытки удачно окончить «коммунистический эксперимент» привели лишь к недолговременной агонии времен Перестройки и неизбежной смерти «Красной империи».